

DOI 10.35775/PSI.2025.72.7.003

УДК 94:631(47)»192/193»

А.В. БЕРЛОВ

доктор исторических наук, доцент,
профессор Московского авиационного института
(национальный исследовательский университет),
Россия, г. Москва

А.Г. ШЛЯХТУНОВ

доктор политических наук,
кандидат исторических наук,
профессор Дипломатической академии МИД России,
Россия, г. Москва

БЕСКРАЙНИЕ ГРАНИЦЫ НАУЧНОГО НАСЛЕДИЯ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX ВЕКА И ЕГО ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

В статье рассматривается процесс формирования явления эмиграции на разных исторических этапах становления человеческого общества, анализируются роль, особенности этого явления и его характерные черты в истории Российского государства. Особенное внимание уделено первой трети XX столетия, когда плеяда выдающихся представителей интеллигенции русского зарубежья первой волны продолжила творить и созидать, предлагать весомое множество уникальных идей и открытий во всех сферах науки, сохраняя при этом тесную связь с Родиной и продолжая вносить заметный вклад в духовную жизнь России. Русская академическая элита за границей представила уникальный пример, как, невзирая на единичные трудности, вызванные приспособлением к новым условиям жизни, суметь не растерять, а благополучно использовать и развивать собственные познания и умения, сохранив академическое наследие и обойдя потерю профессионализма. С точки зрения авторов, обращение к истории российской научной эмиграции имеет важное значение по ряду причин. Во-первых, способствует успешному преодолению различного рода разногласий в обществе, позволяет избежать повторения неверных решений. Во-вторых, существует явная необходимость далее продолжать углублять и всесторонне расширять анализ деятельности русского научного зарубежья, чтобы более точно понимать современные миграционные тенденции с участием российских ученых.

Ключевые слова: эмиграция, русское зарубежье, соборный тип поведения, учреждения научной мысли, научные школы в эмиграции, российские научные центры, кооперация.

В настоящее время гуманитарная политика и гуманитарная безопасность нашего государства становится приоритетом в развитии Российской Федерации

за рубежом. Издан Указ Президента РФ № 611 от 5 сентября 2022 года [8]. Создано управление по гуманитарной политике в Администрации Президента РФ [9; 10].

Вместе с тем развивать данное направление нужно, опираясь на исторический опыт XX века и проводимую политику в годы СССР, иногда ошибочную, иногда намеренную по обращению, с теми слоями населения, которые внесли значимый вклад в развитие науки, искусства и других ключевых сфер формирования человеческого общества.

Эмиграция, по мнению ряда авторов, возникла гораздо раньше, чем было дано определение этому явлению. В начале это были единичные случаи, когда люди в силу ряда обстоятельств покидали родные места и переселялись в другие. Эмиграция со временем «становилась все более заметным явлением в жизни общества» [5]. А основными причинами эмиграции были экономические, социальные, политические, идеологические, национальные и конфессиональные противоречия [5].

В средневековье и новое время, когда в Европе возникли национальные государства, которые вели многолетние и кровопролитные религиозные войны, эмиграция приобрела характер разнонаправленных потоков. Реформация, а затем цикл революций на европейском континенте сделали их массовым явлением [5].

Примером может служить Великая Французская революция, влияние которой на европейский континент справедливо ставили в сравнение с геологическим сдвигом. По ее окончании «десятки тысяч французов вынуждены были покинуть свою страну и эмигрировать в другие страны, включая Америку и Россию» [5]. Некоторые из них смогли обрести новую родину, став там частью политической, экономической и военной элиты. Найти применение своим знаниям и умениям в научной, культурной и иных сферах. Кто-то их эмигрантов оказался в отдаленной провинции, став учителями французского языка для детей дворян. Из России в Америку, Канаду, Австралию [5] тоже устремился поток эмигрантов.

В рассматриваемом же нами историческом эмиграционном периоде основными фигурантами стали крупные российские ученые, писатели, художники, деятели культуры и искусства, иерархи Православной церкви. Их вклад в сокровищницу мировой культуры трудно переоценить. Ряду представителям русской интеллигенции в эмиграции удалось не только сохранить, но и развить и приумножить накопленные веками традиции отечественной науки и культуры, сделать их достоянием человечества [6].

Стоит еще раз подчеркнуть, что в начале XX века эмиграционный процесс приобрел общемировой характер. Эмиграция из России, оказавшаяся в первой четверти столетия под давлением трех революций, русско-японской, Первой мировой и Гражданской войн, распадом «единого и неделимого» тысячелетнего государства, «красного» и «белого» террора, массового голода и эпидемий, явила собой совершенно уникальное и беспрецедентное по своим масштабам явление в мировой истории [5]. Ориентировочные подсчеты показывают, что в изгнании оказалось около 2 млн. российских граждан. Это уже само по себе ставило на повестку дня для тех, кто вынужденно покинул родину, острейшую и в разы

усложнявшуюся, ввиду своеобразных черт русского исхода, задачу адаптации: в российской эмиграционной среде практически сразу же воцарились механизмы сопротивления ассимиляции [5]. Это объясняет, как вначале в самосознании, а впоследствии и в научно-исследовательских работах укоренилось наиболее емко и наглядно отражающее и выражающее существование за границей своего рода второй («малой») России понятие «русское зарубежье». Оно раскрывало своеобразие самодостаточного «мира» с присущими ему обычаями, привязанностями и взаимоотношениями [5].

Эмиграция интеллигенции из России привела к расцвету научной мысли в западных странах. В частности, в ряде европейских государств (Франция, Германия). Там образовались крупные центры русской науки и общественные организации [7].

Так, в Париже в 1920-е годы русские ученые приобрели большую популярность в Франко-русском институте, где на кафедрах они активно преподавали аграрные науки. Диплом Царской России приравнялся к дипломам французских университетов, а выпускники ввиду обширных знаний в области аграрной экономики, теории сельского хозяйства получали прекрасную возможность устроиться во Франции на высокооплачиваемую работу в сельскохозяйственной отрасли. Французское правительство, кстати, в лице премьер-министра Р. Пуанкаре, даже организовало специальный фонд для предоставления стипендий слушателям русских курсов, а также освобождал отдельных студентов от платы за обучение [1].

В Германии также были созданы благоприятные условия для проживания и научных исследований ученых-агров из России. В Берлине в академии Шинкеля, был открыт Русский научный институт, в котором читали свои лекции, а также проводили научно-исследовательские изыскания такие научные деятели из России, как Б.Д. Бруцкус, И.А. Ильин, Н.А. Бердяев, П.Б. Струве и др. Здесь же в 1920-е гг. преподавал С.Н. Прокопович, одновременно руководивший курсом по политической экономии. В этот период выходит ряд его работ, в частности «Очерки хозяйства Советской России» [3], «Крестьянское хозяйство по данным бюджетных исследований и динамических переписей» [4] и т.д.

Одной из характерных черт русского зарубежья того времени можно определить приверженность соборному типу поведения и неприятие индивидуализма среди эмигрантов. Волей судеб оказавшись вырванными из системы привычных и устоявшихся ценностей, русские эмигранты с особой остротой и драматизмом стали воспринимать свою чужеродность. Отсюда следуют их непоколебимые шаги в сторону изолирования себя от непривычного мира за искусственно созданной стеной русской колонии. Помимо этого можно выделить длительно сохранявшиеся, взаимно поддерживаемые и регулярно подпитываемые чаяния на скорое возвращение на родину [5].

Подобная иллюзия преходящего нахождения за рубежом была вызвана, в частности, военными успехами Деникина, Колчака, Врангеля, а также Кронштадтским восстанием и антибольшевистскими выступлениями крестьян

и рабочих в Тамбове, саботажем «спецов царской армии», наконец, политикой непризнания советской власти бывшими союзниками по Антанте в лице западных держав [5].

В общем и целом именно эти надежды окутывали русских эмигрантов особым состоянием – «чемоданным» образом жизни. То есть они были в готовности при любом благоприятном случае покинуть временное пристанище и возвратиться в Россию. К таким ученым можно смело отнести Анцыферова Алексея Николаевича (10.8.1867, Воронеж – 1943, Париж) – экономиста, педагога, публициста, кооператора. Он выходец из семьи военного, окончил воронежскую классическую гимназию, после поступил на юридический факультет Московского университета. Там среди преподавателей на него особое влияние оказал известный российский экономист, изучавший кооперативное движение, статистик А.А. Чупров, пробудив и развив у юного Анцыферова интерес к исследованию проблем кооперации и статистики. По окончании университетского курса в 1890 г. А.Н. Анцыферов на протяжении 10 лет трудился в земских организациях, являлся уездным и губернским гласным Воронежской губернии, почетным мировым судьей [2].

В 1899 г. Анцыферов уехал в Германию, где посетил лекции и семинар профессора И. Конрада. После возвращения в Россию он поменял карьеру юриста на преподавательскую деятельность. В 1902 г. в Харьковском университете Анцыферов начал преподавать экономические дисциплины [2]. Вторая поездка за рубеж состоялась в 1903 г. в Германию и Францию, где он изучал под руководством западных экономистов в лице И. Конрада, Л. Brentano, Ш. Жида, фон Майера особенности сельскохозяйственного кооперативного движения [2]. По результатам заграничных командировок им был составлен курс лекций для чтения в учебных заведениях Харькова и Москвы, написаны исследовательские труды и магистерская диссертация «Кооперация в сельском хозяйстве Германии и Франции» (1907 г.) [2]. В 1908 г. А.Н. Анцыферов в составе коллектива принял участие в разработке устава Московского народного банка, посещал съезды российских кооператоров и международные конгрессы кооператоров в Баден-Бадене [2]. Свообразным итогом его исследований кооперативного движения стали публикации на страницах периодической печати: «Вестник кооперации», «Экономист России», «Хроника учреждений мелкого кредита», в сборниках лекций и статей [2]. Кроме занятий собственно наукой Анцыферов был задействован в занятиях Международного института земледелия в Риме, читал лекции по кооперации в Коммерческом институте и Московском Народном университете им. А.Л. Шанявского. Одно время возглавлял кафедру политической экономии и статистики в Харьковском университете, а на Высших женских курсах руководил кооперативным отделением [2].

В 1917 г. А.Н. Анцыферов принимал участие в разработке «Положения о кооперативных товариществах и их союзах», которое было принято 20 марта 1917 г. [2] В нем определялось правовое положение российской кооперации, расширялись границы ее деятельности и задачи на ближайшее время и на перспективу.

В мае 1917 г. А.Н. Анцыферов защитил докторскую диссертацию «Центральные банки кооперативного кредита» [2].

Из России А.Н. Анцыферов эмигрировал в 1920 г., прожив все оставшиеся годы в Париже и преподавая периодически в Праге [2]. В мае 1921 г. на Всеславянском кооперативном съезде А.Н. Анцыферов в качестве представителя «Сельскохозяйственного кооперативного союза» работал над проектом организации Русского института сельскохозяйственной кооперации в Праге, который предполагался как кооперативное учебное заведение [2]. А.Н. Анцыферов был редактором научных изданий института и частью редакционной коллегии ряда выходящих в Праге русскоязычных исследовательских журналов, («Земледелие», «Хутор», «Хозяин»), а также читал курс лекций по статистике на Русском юридическом факультета в Праге, где числился профессором [2]. Живя в Чехословакии, Алексей Николаевич плодотворно занимался доработкой и переизданием комплекса своих статистических, теоретических и исторических трудов, а также популяризацией исследовательских результатов в сферах организации сельского хозяйства, кредитования, русского земледелия. Вдобавок к этому А.Н. Анцыферов сумел в выходящей в Нью-Йорке под редакцией профессора Зелигмана монументальной «Энциклопедии социальных наук» опубликовать целый ряд статей по вопросам демографии и социальной политики [2].

В 1929 г. в сотрудничестве с профессором Кайденом и при поддержке фонда Карнеги А.Н. Анцыферов свет увидел его исследование «Effect of the War upon Cooperative Credit and Agricultural Cooperation in Russia», которое обобщало итоги влияния Первой мировой и Гражданской войн на развитие кооперации в России [2].

Как ученый А.Н. Анцыферов был востребован и во Франции: на русском отделении юридического факультета Парижского университета (Институт права и экономики) читал лекции «Методология статистики», «Экономический строй России», в Русском высшем техническом институте (французская высшая техническая школа с преподаванием на русском языке) заведовал кафедрой [2]. В 1923 г. он возглавил объединившую ведущих специалистов из различных научных сфер, представителей деловых кругов, творческую интеллигенцию Русскую академическую группу (РАГ). РАГ занималась организацией Экономического совещания российской эмиграции, съездов русских ученых, деятелей сельского хозяйства, поддерживала финансирование высших учебных заведений во Франции и других странах, обеспечивала издание исследовательских работ и периодических изданий, вела подготовку научных кадров и т.д. [2].

А.Н. Анцыферов долгое время был председателем в кружке «К изучению России», основной научной деятельностью которого являлось «обследование причин, объясняющих ход культурного развития русского народа в прошлом и выяснение условий, которые могут способствовать его успешному социально-экономическому развитию в будущем» [2]. В работе кружка участвовали блестящие умы русской эмиграции из числа экономистов, юристов, инженеров, общественных деятелей: Н. Автономов, В. Аршаулов, Н. Беляев, М. Бунятян, г.

Глинка, К. Зайцев, Н. Зворыкин, А. Карташев, П. Мигулин (отделение кружка в Ницце) и др., которые трудились над изданием трудов и вынесением на обсуждение научной общественности различных вопросов по аграрной проблематике, катастрофическому сельскохозяйственному положению в Советской России, истории русского земства, и в целом о будущем отечества [2].

Стоит также отметить, что Алексей Николаевич являлся главой Совета русских высших учебных заведений во Франции и вице-президентом Ассоциации бывших студентов Московского университета. Анцыферов являлся одним из создателей Международного института по изучению социальных движений (1930 г.), был членом Международного института изучения кооперации (Institut International de l'études cooperatives) [2].

Особенно интересны исследования А.Н. Анцыферова в таких областях, как демографии, статистики, христианства, правоведения. В своей последней работе «Важнейшие законодательные акты Державы Российской», опубликованной посмертно в 1950 г., Алексей Николаевич утверждал, что идеи монархизма как основы государственного устройства, наиболее приемлемым для России ввиду ее ментальных, религиозных и исторических традиций [2].

К другим ярким представителям русской научной эмиграции можно отнести Бруцкуса Бориса Давидовича (15.10.1874, Паланга, Курляндия – 6.12.1938, Иерусалим) – экономиста, агронома, публициста [11]. Отец его был ограником янтаря, позднее владельцем фабрики кожаных изделий в Москве. Сначала в 1884–1891 гг. Б.Д. Бруцкус учился в московской гимназии, после в 1891–1894 гг. поступил в Варшавский университет на медицинский факультет, а в 1894–1898 гг. окончил с золотой медалью и был удостоен звания «ученый агроном первого разряда» в Институте сельского хозяйства и лесоводства в Новой Александрии [11].

По завершении обучения с 1898 г. Б.Д. Бруцкус стал руководить земледельческими службами в Центральном комитете Еврейского колонизационного общества в Петербурге. Тогда же издал свою первую работу «О питательном значении аспаргина», опубликовал ряд статей по вопросам экономики и еврейской колонизации в периодических изданиях. С 1907 г. состоял лектором кафедры экономики и истории сельского хозяйства и аграрной политики столичных Высших сельскохозяйственных курсов. С 1909 г. сотрудничал в «Российском транспортном страховом обществе»: в 1915–1918 гг. – в страховом обществе «Россия», а с 1913 г. исполнял обязанности члена редколлегии «Агрономического журнала» [11].

Вскоре Б.Д. Бруцкус нашел себя в преподавательской деятельности. С 1917 г. он читал курс лекций в Петербургском сельскохозяйственном институте. В 1921–1922 гг. он будучи, уже в звании профессора, занимал пост декана факультета экономики и сельского хозяйства. Одновременно Б.Д. Бруцкус читал цикл лекций «Сельскохозяйственные возможности Палестины» на курсах палестиноведения, а также руководил экономическим курсом в Еврейском университете [11]. В 1918–1921 гг. Б.Д. Бруцкус работал над «Экономикой сельского хозяйства»,

которую издал уже в эмиграции. В Советской России книга была опубликована в 1924 г. и принята в качестве учебника для большинства сельскохозяйственных учебных заведений, но в 1928 г. изъята из библиотек [5].

Совместно с Н. Кондратьевым, В. Косинским, Л. Литошенко, Н. Макаровым, А. Мининым, Н. Огановским, А. Чайновым, А. Челинцевым Борис Давидович примкнул к «мозговому центру» российской аграрной науки, где заявил себя признанным авторитетом, сторонником либерального направления. В своих работах, затрагивающих аграрную проблематику, Б.Д. Бруцкус теоретически обосновывал прогрессивность столыпинских реформ, доказывал соответствие последних интересам крестьянства, народного хозяйства в целом, оценивал преимущества, связанные с проникновением в крестьянское хозяйство «хрематистического (стяжательского)», т.е. рыночного духа [5].

С 1922 г. Бруцкус также занимал редакторское место в журнале «Экономист» (Вестник 11-го отдела Русского технического общества), опубликовав на его страницах серию статей по проблемам народного хозяйства при социалистическом строе, в которых отстаивал мысль о том, что социализм невозможно сконструировать на практике ни в отдельно взятой стране, ни в мировом масштабе [5]. Выступая на сельскохозяйственном съезде в Москве в 1922 г. в качестве председателя сельскохозяйственного совета Петроградского района, Б.Д. Бруцкус обвинил советскую власть в организации голода на территории Поволжья. 17 августа 1922 г. был арестован, по словам г. Зиновьева, как «непримиримый враг Советской власти», и в ноябре того же года выслан за границу [5]. На протяжении 1923–1932 гг. в Русском научном институте в Берлине читал лекции по сельскому хозяйству и политической экономии, руководил исследованиями советского хозяйства аграрной политики, преподавал в Индишском университете в Вильнюсе [5]. В апреле 1924 г. в Праге принял участие в работе 1-го съезда русских деятелей сельского хозяйства. В начале 1935 г. эмигрировал в Палестину, где с апреля этого же года заведовал кафедрой сельскохозяйственной экономики и политики Еврейского университета в Иерусалиме, входил в редакцию научно-публицистических обзоров еврейской экономики и демографии. Печатался в ряде эмигрантских периодических изданий [5].

Всего, находясь в эмиграции, Б.Д. Бруцкус опубликовал 298 своих работ, в которых провел фундаментальный анализ проблемы экономического планирования, «социалистического хозяйства», аграрной революции, сельского хозяйства, земельного права, статистики, колонизации в Палестине, российской истории. По своим научным взглядам Б.Д. Бруцкуса можно отнести к новой либеральной школе экономической мысли (Л. Мизес, Ф. Хайек и др) [5], а основные положения его позиции выразить следующим образом: конечного «райского» состояния общества нет и быть не может, неизвестен и механизм общественного развития, благополучие общества заключается в движении вперед, источником которого является волевой субъект действия – творческая личность. Поэтому высшая ценность общественного развития есть принцип свободы личности [5]. Научные изыскания Б.Д. Бруцкус в области политической экономии

и истории снискали ему среди западных экономистов авторитет одного из ведущих исследователей доктрины социализма, практики советского хозяйства, причин и условий революционных потрясений [5].

Не менее интересно сложилась судьба другого представителя русской эмиграции – Кусковой Екатерины Дмитриевны (урожд. Есипова, по 1-му мужу Ювеналиева, 1869 г., Уфа – 1958 г., Женева) – общественного и политического деятеля, публициста, мемуариста [11]. Она прожила долгую и интересную жизнь, являлась выходцем из семьи учителя словесности, затем акцизного чиновника и малограмотной татарки [11].

Когда ей было 15 лет, Е.Д. Кускова осталась без родителей. Ее отец застрелился, а мать умерла от туберкулеза [11]. Чтобы обеспечить существование себе и младшей сестре, Кускова заняла место матери по заведыванию богадельней, участвовала в различных кружках самообразования. Формально за пропуск большого числа уроков, в действительности же за «возмутительный» характер сочинения на тему пушкинского стихотворения «Поэт и чернь» исключена из гимназии [11].

Тем не менее Екатерина Дмитриевна сумела в 1885 г. окончить гимназию вместе со своими одноклассницами и получить аттестат с отличием, сдав экзамены экстерном. Осенью 1885 г. она вышла замуж за своего гимназического учителя физики И. Ювеналиева, являвшегося в прошлом участником одного из народнического кружка начала 1880-х гг. Совместно с ним Кускова организовала у себя «Домашний университет», где слушательницами стали гимназистки старших классов и окончившие гимназию девушки. Здесь, помимо углубленного изучения математики физики, химии, истории, предметами чтения и споров были произведения писателей-народников Н.Н. Златовратского, Г.И. Успенского, статьи Н.К. Михайловского, сатиры М.Е. Салтыкова-Щедрина и др., материалы журналов «Вестник Европы» и «Отечественные записки» [5].

После того, как в скором времени И. Ювеналиев скончался от чахотки и в 1890 г. от дифтерита умер его младший сын [5], Е.Д. Кускова пошла в качестве слушательницы на акушерские курсы при воспитательном доме в Москве, вступила в студенческий кружок «самообразования», изучая философию Канта, Гегеля, Спенсера и др., стала слушать лекции историка В.О. Ключевского в Московском университете, оказывала содействие в распространении издаваемой народническим кружком писателя Н.М. Астырева нелегальной литературы [5].

В летний период 1891 г. Екатерина Дмитриевна приехала в Саратов и примкнула к собраниям радикальной интеллигенции, составившей ядро организации «Народное право», познакомилась с М.А. Натансоном и В.М. Черновым [11]. По воспоминаниям Е.Д. Кускова, дебютировала как публицист в газете «Саратовский вестник» [11]. Закончив фельдшерские курсы, вступила в санитарный отряд по борьбе с холерой. Встреча Е.Д. Кусковой с разъяренной толпой во время холерного бунта, чуть не стоившая ей жизни, стала одним из решающих факторов в ее политическом самоопределении. После этого события для нее

стали предпочтительными задачи культурного и политического воспитания народа, его организация и реформистский путь преобразования общества [11].

Вследствие причастности к кружку Астырева вскоре Кускова была выслана в Пензу, затем переведена в Москву, где провела в тюрьме и позднее под гласным надзором полиции в общем итоге около 3 лет [11]. Весной 1894 г., чтобы вызволить из тюрьмы члена «Народного права» студента-юриста П. Кускова, державшего многодневную голодовку и дошедшего до полного истощения, вступила с ним в фиктивный брак, летом выслана в Нижний Новгород, где близко познакомилась с В.Г. Короленко, Н.Ф. Анненским и М. Горьким, вела пропаганду среди сормовских рабочих [11].

Этот период стал для Е.Д. Кусковой переходом с позиций народничества на позиции марксизма. После отбывания срока высылки в конце 1895 г. она вернулась в Москву и стала женой С.Н. Прокоповича. Вместе с ним в феврале 1896 г. выехала за границу для лечения обострившегося туберкулеза и для установления связей с группой «Освобождение труда»; сблизилась с Плехановым, прослушала курс социальных наук в Брюссельском университете. В 1897-1898 гг. в Берлине по рекомендации Плеханова Кускова и Прокопович вошли в местную группу Союза русских социал-демократов, однако, ближе познакомившись с программой Союза, выступили с ее критикой [11].

По возвращении в Россию в 1899 г. Екатерина Дмитриевна предприняла попытки распространить свои взгляды среди петербургских социал-демократов и рабочих [11]. Чтобы ознакомить со своей позицией узкий круг единомышленников, Е.Д. Кускова кратко изложила ее письменно, так появилось «Credo», не предназначавшееся для печати; однако А.И. Ульянова-Елизарова переслала один из списков «Credo» В.И. Ленину в Шушенское, который опубликовал его, сопроводив резкой критикой. Е.Д. Кускова считала, что российские условия требовали иного, чем западный, марксизма [11]. В России, еще не пережившей свою буржуазную революцию, непосредственная проповедь социализма, по Е.Д. Кусковой, была преждевременна, даже вредна, т.к. ослабляла энергию борьбы за политическое освобождение [5].

Мнение Е.Д. Кусковой о том, что российскому пролетариату пока не нужна самостоятельная политическая партия явилось для ортодоксальных русских марксистов особенно возмутительным [5]. Заклейменные представителями этого течения российской социал-демократии как «бернштейншанцы», «предатели рабочего движения», «экономисты», Е.Д. Кускова и ее единомышленники организационно порвали с российской социал-демократией [5].

С начала 1900-х гг. энергично включилась в «освободительное» движение, участвовала в доставке из-за границы и распространении в России журнала «Освобождение». С осени 1904 г. входила в число редакторов легальной освободительской газеты «Наша жизнь». В 1905 г. оказалась в числе активных организаторов и руководителей Союза Союзов [5]. На учредительном съезде конституционно-демократической партии в октябре 1905 г. была избрана в ЦК, однако из-за программных и тактических разногласий отказалась войти в партию.

С января по май 1906 г. стала издательницей, одним из редакторов и постоянных сотрудников политического еженедельника «Без заглавия», автором программной статьи «Ответ на вопрос – кто мы?» (№ 3), выступала против тактики бойкота 1-й и 2-й Государственной думы, за блок всех левых сил, включая кадетов [5]. В 1906-1907 гг. сотрудничала в газете «Товарищ»; с 1908 г. – в газете «Русские ведомости» [5]. В послереволюционный период вместе с мужем занималась вопросами кооперативного движения, пыталась возродить «освобожденческое» движение [5].

В 1911 г. участвовала в переговорах, проходивших по инициативе Горького о создании журнала, способного объединить широкие демократические силы общества [5]. В 1912-1914 гг. сотрудничала в журнале «Современник», опубликовала в нем большие статьи: «Во что верить?» (1912 г., № 5), призывавшую интеллигенцию помогать культурному росту народа, его организации, что должно, по Е.Д. Кусковой, предохранить его от экстремистских увлечений, и «Усложнение целей» (1913 г., № 9), в которой выступила с призывом преодолеть раскол в рабочем и социал-демократическом движении [5].

В годы Первой мировой войны занимала «оборонческую» позицию [5]. В 1915 г. участвовала в неоднократных попытках создать печатный орган, подобный закрытому «Современнику» [11]. По свидетельству Н. Бердяева, «Е.Д. Кускова и С.Н. Прокопович были в центре» закрытых общественных собраний, происходивших в Москве перед февралем 1917 г. [11] По некоторым данным Е.Д. Кускова была членом женской масонской ложи и в 1916 г. на ее московской квартире собирались масоны [11]. Как раз на одном из таких собраний в апреле 1916 г. был намечен состав будущего Временного правительства [11]. В 1917 г. Е.Д. Кускова поддерживала Временное правительство; в августе на Демократическом совещании в Москве представителями кооперации была избрана в т.н. Предпарламент, на заседаниях которого заявляла, что проводить социально-революционные преобразования «во всем их объеме во время войны есть преступление», призывала к обороне государства [5]. После Октябрьской революции жила в Москве, издавала газету «Власть народа», бывшую одним из центров оппозиции большевикам [5]. В период гражданской войны стояла на платформе «третьей силы», выступавшей против диктатуры и большевиков, и белых. Входила в руководство «Лиги спасения детей», созданной по инициативе В.Г. Короленко, являлась членом Совета Политического Красного Креста [5].

В 1921 г. Е.Д. Кускова участвовала в организации и впоследствии руководстве Комитета помощи голодающим [11]. За попытку установить контакт с зарубежьем Комитет был разогнан, Е.Д. Кускова, С.Н. Прокопович и Н.М. Кишкин арестованы и приговорены к смертной казни, от которой их спасло заступничество Г. Гувера и Ф. Нансена. Е.Д. Кускова и Прокопович, отправленные в ссылку на Север, в 1922 г. были доставлены в Москву и высланы за границу [11]. Первоначально жила в Берлине, была избрана председателем Политического Красного Креста, затем переехала в Прагу [5]. В 1939 г., после оккупации Чехословакии немецкими войсками, переехала в Женеву, где прожила оставшуюся жизнь. Сотрудничала

в газетах «Последние новости», «Дни», «Новое слово» и др., а также в журналах «Современные записки», «Воля России», «Новый журнал», играла активную роль в политической жизни эмиграции, ее квартира в Праге была «политическим салоном» [5].

Во взаимодействии с П.Н. Милюковым Е.Д. Кускова вела переговоры по созданию т.н. Республиканско-Демократического центра [5]. Устные и письменные выступления Е.Д. Кусковой по вопросам тактики эмиграции по отношению к Советской России были предметом острых дискуссий [5]. В 1922-1926 гг. она резко критиковала планы новых военных походов против Советской России, призывала «засыпать ров гражданской войны», считала, что в условиях НЭПа в России можно действовать, не отрекаясь от своих взглядов и не приспособляясь к большевистскому режиму, а потому усилия должны быть направлены на поиски мирного, но достойного пути возвращения на родину [5]. Позиция Е.Д. Кусковой не нашла поддержки у подавляющего большинства близких ей политических деятелей. Так, против нее выступили П.Н. Милюков, Н.Д. Авксентьев, А.Ф. Керенский, М.А. Алданов [11]. Установление режима личной власти Сталина, насильственные формы коллективизации и индустриализации, разгул политических репрессий вынудили Е.Д. Кускову отказаться от надежд на демократическую трансформацию большевизма, на возможность примирения с ним [11]. В годы Великой Отечественной войны ее симпатии находились безоговорочно на стороне России, а героизм русского народа и его победа над фашизмом вновь возродили у Е.Д. Кусковой прежние надежды на возможность возвращения в Россию [11].

Таким образом, для большей части научной русской эмиграции был присущ морально-нравственный стимул поведения: осознание собственной, если не мессианской, то, несомненно, исключительной исторической миссии. Они позиционировали себя как носители и хранители национальной культуры. Например, ими обозначались достаточно широко задачи служения «русской идее». В первую очередь, своей первостепенной задачей они видели сохранение в изгнании накопленных духовных ценностей, исторической памяти, национального опыта. Это было, по их мнению, необходимо для того, чтобы не прервалась связь времен и поколений, сохранялась основа для будущего возрождения России. Во-вторых, среди них господствовало убеждение о долге знакомства Запада с достижениями отечественной мысли и культуры в различных областях человеческого знания [5].

Естественно, выполнение русской эмиграцией своей миссии требовало сохранения особых условий ее существования за рубежом. Здесь можно выделить воссозданную и впоследствии развитую для подготовки будущих специалистов русским зарубежьем систему национальной школы всех ступеней, от начального до высшего специального образования, включая подготовку специалистов высшей квалификации. В ней программа обучения была ориентирована на специфику работы именно в России, что ее существенно отличало от учебных программ стран русского рассеяния. В то же время картину научно-педагогической

деятельности ученых в России завершали воссозданные научные сообщества, регулярно созываемые академические съезды, постоянно проводимые семинары и диспуты [5].

Балетные студии, театральные антрепризы, музыкальные общества, русская консерватория, кинофабрики, литературные вечера, лекции и даже традиционные «чашки чая» и т.д. – все это аналогично продолжало активно поддерживать и развивать национальные традиции в различных жанрах искусства. Зарубежье организовывало русские, по своему преимущественному составу, конструкторские бюро и лаборатории, имело русскоязычные органы печати, книгоиздательства, свои церковные приходы. Поддерживалась деятельность множества политических, воинских, спортивных, культурных, профессиональных, благотворительных и т.д. обществ [5]. Необходимо понимать, что шла ли речь о научной школе или о художественных традициях, в своей духовной и практической деятельности русская эмиграция прежде всего питалась национальными идеями.

Все вышеописанное демонстрирует, насколько первая волна русской эмиграции, которая составляет основу русского зарубежья, изобилует блестящими талантами, выдающимися открытиями в различных научно-технических и культурных областях. К сожалению, на сегодняшний день уникальная роль русских изгнанников в достижениях человеческой цивилизации XX века остается до конца не оцененной. Очевидно, что подобный беспрецедентный в мировой истории взлет творческой мысли трудно объяснить лишь такими сугубо материальными соображениями, как жесткой конкуренцией или необходимостью бороться за элементарные средства существования [5]. Всеми силами своими делами русские эмигранты стремились доказать миру и, что не менее важно, самим себе, что Россия наперекор выпавшим на ее долю тяжелым испытаниям и унижениям не только не погибла, но по-прежнему обладает огромным потенциалом нерастраченных творческих сил. Именно в этом они чувствовали корень ее будущего возрождения. Рассматривая себя неотъемлемой частью России, они продолжали созидать во имя ее будущего [5].

Осознавая социокультурную значимость русской эмиграции как для мирового сообщества, так и для России, понимая острую необходимость сохранения в памяти потомков всех перипетий жизни в изгнании, донесения до них результатов своей творческой деятельности, представители ряда эмигрантских организаций предпринимали неоднократные попытки написать историю русского зарубежья. Так, в начале 1930 г. была создана специальная комиссия по сбору материалов для будущего труда, получившего оригинальное название «Золотая книга» (председатель – Д.П. Рябушинский, секретарь – П.Е. Ковалевский) [5]. В.В. Вырубов выступил с инициативой образовать группу по подготовке книги к изданию, а в 1962 г. уже начал действовать соответствующий Комитет во главе с князем Н.С. Трубецким. Однако возраст, болезни, а затем и кончины инициаторов проекта, непреодолимые финансовые трудности помешали реализовать

задуманное [5]. Тем не менее, этот благородный замысел не мог оставить ученые умы равнодушными.

Авторский коллектив, перенея особую моральную ответственность перед соотечественниками, занесенными судьбой в эмиграцию, взял на себя ответственность сделать следующий шаг в продолжении начатого дела по передаче современному читателю выдающегося опыта и достижений плеяды деятелей русского зарубежья, внесшего весомый вклад практически во все сферы человеческой деятельности. Огромное обилие равноценного материала поставило авторам вынужденные рамки по внесению некоторых ограничений при отборе персонажей для данного издания. Ввиду этого в историческом труде велся преимущественно обзор деятельности тех эмигрантов, кто получил в России высшее образование, специальность и достигнул определенных результатов в своей профессиональной деятельности, а также смог впоследствии занять в изгнании приоритетное положение в соответствующих областях научного знания, инженерной и конструкторской мысли, литературе и публицистике, изобразительном и театральном искусстве, общественной деятельности и т.д. [5].

Данная же статья имеет более скромную и конкретную задачу и была призвана вспомнить об отдельных весьма значимых ученых того времени. Ее авторы стремились не просто кратко вспомнить о весьма значимых персоналиях той эпохи, но и дать материал для размышлений последующим поколениям исследователей и стимулировать изучение русской эмиграции. Особенно важным представлялось вспомнить о тех, кто, несмотря на то, что оказался на чужбине, сохранил преданность своей великой стране, ни на минуту не переставал искренне ее любить и надеяться на ее возрождение.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. **Бочарова З.С.** Судьбы российской эмиграции: 1917-1930-е гг.: Учебное пособие. Уфа, 1998.
2. Кооперация. Страницы истории: В 3 т. Т. 1 / Н.К. Фигуровская, Е.Н. Козлова, М.И. Дударев и др.; Отв. ред. Н.К. Фигуровская; Рос. акад. наук, Ин-т экономики. Москва: Наука, 1994 // https://gallery.economicus.ru/cgi-bin/frame_rightn.pl?type=ru&links=../ru/ansiferov/biogr/ansiferov_b1.txt&name=ansiferov&img=brief.gif.
3. **Прокопович С.Н.** Очерки хозяйства Советской России. Берлин, 1923.
4. **Прокопович С.Н.** Крестьянское хозяйство по данным бюджетных исследований и динамических переписей. Берлин, 1924.
5. Русское зарубежье. Золотая книга эмиграции. Первая треть XX века. Энциклопедический биографический словарь / под общей редакцией В.В. Шелохаева; ответственный редактор Н.И. Канищева; Редакционная коллегия: В.П. Борисов [и др.]. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1997.

6. Совершенствование профессиональных навыков и компетенций в управлении международной деятельностью российских университетов: национальные интересы и региональное развитие: коллективная монография / Под ред. В.И. Круглова, Н.В. Пелихова. М.: РИОР, 2022.
7. Струве П.Б. Итоги и существо коммунистического хозяйства / Образ будущего в русской социально-экономической мысли конца XIX – начала XX в. Избр. произведения / Сост. Я.И. Кузьминов. М., 1994.
8. Указ Президента Российской Федерации от 05.09.2022 г. № 611 «Об утверждении Концепции гуманитарной политики Российской Федерации за рубежом» // <http://kremlin.ru/acts/bank/48280>.
9. Указ Президента Российской Федерации от 12.06.2024 № 482 «О некоторых вопросах Администрации Президента Российской Федерации» // <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202406120009?index=1>.
10. Указ Президента Российской Федерации от 26.08.2024 г. № 732 «Об утверждении Положения об Управлении Президента Российской Федерации по государственной политике в гуманитарной сфере» // <http://kremlin.ru/acts/bank/51063>.
11. Энциклопедия русской эмиграции // <https://rus-emigration-history.slovaronline.com/55>.

A.V. BERLOV

Doctor of Historical Sciences, Associate Professor,
Professor of the Moscow Aviation Institute (National Research University), Moscow, Russia

A.G. SHLYAKHTUNOV

Doctor of Political Sciences,
Candidate of Historical Sciences, Professor at the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia,
Moscow, Russia

THE BOUNDLESS BOUNDARIES OF THE SCIENTIFIC HERITAGE OF THE RUSSIAN DIASPORA IN THE FIRST THIRD OF THE 20-TH CENTURY AND ITS SIGNIFICANCE FOR MODERN RUSSIA

The article examines the process of formation of the phenomenon of emigration at different historical stages of the formation of human society, analyzes the role, features of this phenomenon and its characteristic features in the history of the Russian state. Special attention is paid to the first third of the 20th century, when a galaxy of outstanding representatives of the intelligentsia of the Russian diaspora of the first wave continued to create and create, offering

a significant number of unique ideas and discoveries in all fields of science, while maintaining close ties with their Homeland and continuing to make a significant contribution to the spiritual life of Russia. The Russian academic elite abroad has provided a unique example of how, despite the isolated difficulties caused by adapting to new living conditions, they can manage not to lose, but to safely use and develop their own knowledge and skills, preserving their academic heritage and avoiding the loss of professionalism. From the authors' point of view, an appeal to the history of Russian scientific emigration is important for a number of reasons. Firstly, it helps to successfully overcome various kinds of disagreements in society, and avoids the repetition of wrong decisions. Secondly, there is a clear need to further deepen and comprehensively expand the analysis of the activities of the Russian scientific community in order to more accurately understand current migration trends with the participation of Russian scientists.

Key words: *emigration, Russian diaspora, conciliar type of behavior, institutions of scientific thought, scientific schools in exile, Russian scientific centers, cooperation.*